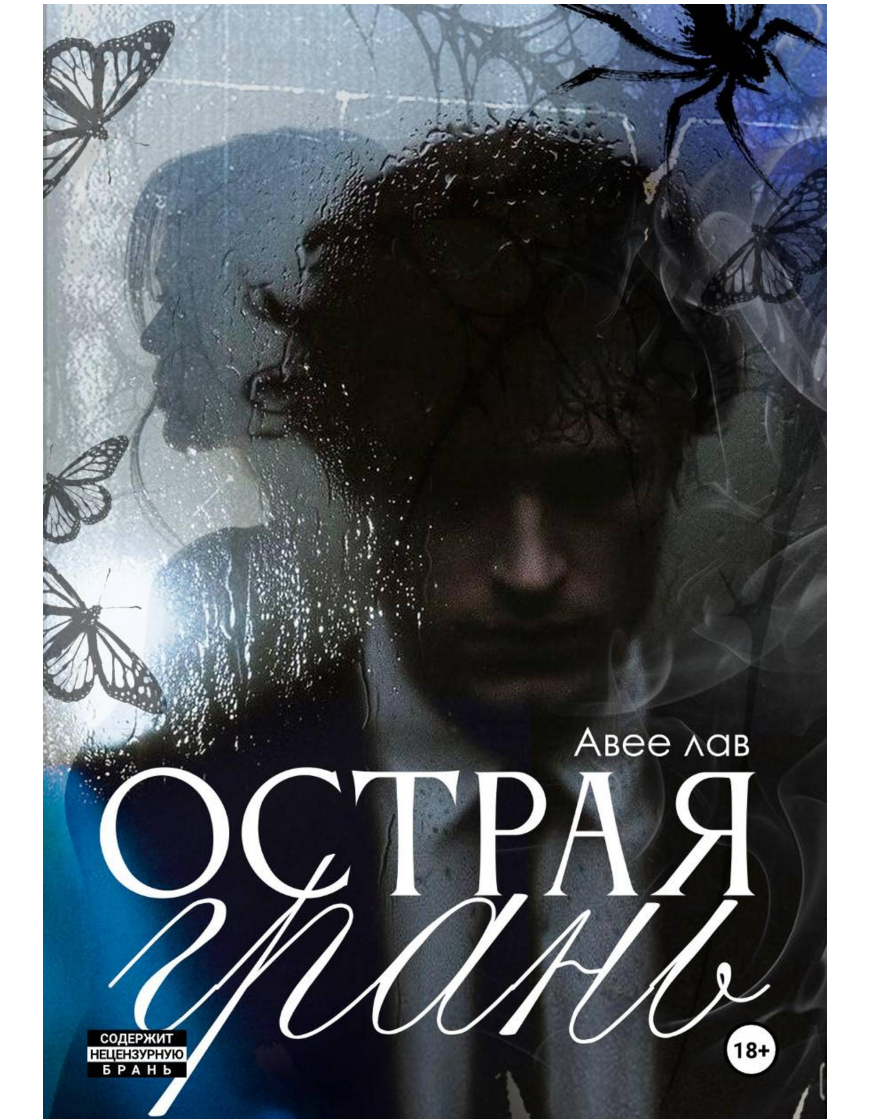

Авее лав

ОСТРАЯ брань

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Авее Лав

Острая грань

<https://litres.ru/74607019>

SelfPub; 2026

Аннотация

Себастьян жил по чужим правилам с самого детства. Его путь проложен по картам безжалостности, а каждый шаг оплачен кровью. Однажды он дрогнул, позволив нарушить закон безразличия. В наказание он разрушил единственное настоящее, что у него было, — дружбу. Отец был прав: чувства ведут к падению.

Он привык, что его жизнь расписана наперёд. Но всё изменила девушка, обречённая стать его жертвой. Он следил за ней, изучал каждый шаг и ждал момента, чтобы выполнить приказ отца. Но чем дольше он был рядом, тем труднее было представить, что он нажмёт на спуск.

Место в груди, которое он считал пустым, начинало биться с удвоенной силой. Её тепло растопило лёд, которым он годами покрывал свою душу, а его руки, созданные убивать, потянулись к ней с незнакомой нежностью.

Однако отец уже почувствовал трещину в своей власти. Он готов уничтожить всё, включая собственного сына, ради сохранения контроля. Их история балансирует на лезвии ножа, где один неверный шаг разбивает всё об острую грань.

Авее Лав

Острая грань

Книги серии читаются строго по порядку:

Каждая из них продолжает единую сюжетную линию. Переплетающиеся судьбы героев, общие события и развитие персонажей требуют последовательного прочтения:

Первая книга серии – «Цена доверия»

Вторая книга серии – «Цена прощения»

Третья книга серии – «Острая грань»

Дорогие читательница и читатель,

Наверняка после первых двух книг у тебя накопилось много вопросов. В этой книге некоторые из них наконец прозвучат, а многое предстанет перед тобой в новом свете. Ты увидишь события с другой стороны, и, возможно, это заставит тебя по-новому взглянуть на героев и их поступки. Я надеюсь, что, закрыв книгу, ты сможешь простить героев или хотя бы попытаться понять их.

Спасибо, что ты здесь и что продолжаешь читать. Благодаря тебе у меня есть эта книга, и я очень ценю это.

Отдельное спасибо группе ЛСП и его треку: *«Канат»*

Он во многом задал настроение этой части и помог мне глубже прочувствовать историю.

Я надеюсь, что, закрыв книгу, ты сможешь простить героев или хотя бы попытаться понять их.

С искренней благодарностью, ваша Авее Лав.

Важное примечание

Все книги автора написаны для взрослой аудитории. Произведение содержит откровенные любовные сцены, психологическое давление, сцены физического насилия, а также

эпизоды употребления алкоголя и наркотических веществ. Если вам не исполнилось **18 лет** или указанный контент может причинить вам психологический вред, пожалуйста, воздержитесь от чтения.

В книгах не всегда соблюдена достоверность в области медицины, юриспруденции и иных профессиональных сферах. Данное произведение является художественным вымыслом и не претендует на документальную точность. В ряде случаев автор сознательно отступает от реальности для развития сюжета.

Аннотация

Себастьян жил по чужим правилам с самого детства. Его путь проложен по картам безжалостности, а каждый шаг оплачен кровью. Однажды он дрогнул, позволив нарушить закон безразличия. В наказание он разрушил единственное настоящее, что у него было, — дружбу. Отец был прав: чувства ведут к падению.

Он привык, что его жизнь расписана наперёд. Но всё изменила девушка, обречённая стать его жертвой. Он следил за ней, изучал каждый шаг и ждал момента, чтобы выполнить приказ отца. Но чем дольше он был рядом, тем труднее было представить, что он нажмёт на спуск.

Место в груди, которое он считал пустым, начинало биться с удвоенной силой. Её тепло растопило лёд, которым он годами покрывал свою душу, а его руки, созданные убивать, потянулись к ней с незнакомой нежностью.

Однако отец уже почувствовал трещину в своей власти. Он готов уничтожить всё, включая собственного сына, ради сохранения контроля. Их история балансирует на лезвии ножа, где один неверный шаг разбивает всё об острую грань.

Глава 1

Декабрь.

Себастьян оцепенел в тот миг, когда голова Кристиана рвано откинулась вниз. Сквозь залитое мескалином сознание пробился ледяной ужас, а вместе с ним пришло осознание того, что он только что сделал. Он задышал рвано, и ему казалось, будто пульсация пробивается в висках, отдаваясь тяжёлым стуком в основании черепа. Медленно поднимая окровавленные ладони, он посмотрел на них, словно пытался понять, что только что произошло.

Резкий вой сирены разорвал гул в его голове. Синие проблиски, скользнув по мокрым пятнам на полу, дробились в битом стекле, превращая руины в зыбкое месиво из света и теней. Себастьян отступил на два шага, не сводя глаз с Кристиана, затем резко развернулся. Он двигался быстро, почти на грани бега, приближаясь к выходу.

Едва покинув здание, Себастьян вцепился рукой в стену, пытаясь удержаться на месте и унять головокружение. К горлу подкатила тошнота, и он согнулся, пока спазм выворачивал его изнутри.

Сердце колотилось слишком быстро, но он заставил себя идти вперёд, в сторону припаркованной машины, оставшейся через полмили. Синтетический галлюциноген, смешанный с алкоголем, действовал во всю силу, и едва Себастьян

оттолкнулся от стены, его повело в сторону. Морозный воздух обжигал лёгкие, а тьма вокруг сгущалась, затягивая пространство вязкой пеленой. Ярость на себя поднималась из глубины, затапливая рассудок мутной волной, и он уже не понимал, где реальность, а где бред.

Добравшись до автомобиля, он опёрся на холодный капот. Дрожащими пальцами Себастьян вытащил из кармана пачку сигарет, но одна из них выскользнула из ослабевших пальцев и утонула в мокром снегу. Он выругался сквозь зубы, прежде чем прикурить вторую. Сигарета сейчас была последним, что нужно было его организму, но руки сами тянулись к знакомому жесту, который хоть на мгновение давал иллюзию контроля. Дым горчил во рту, а мрак перед глазами всё никак не желал рассеиваться.

Руки были в подсыхающей крови, челюсть ныла пульсирующей болью, воспалённые красные глаза слезились, но на всё это он не обращал внимания, словно боль принадлежала кому-то другому, будто тело перестало быть его собственным.

Спустя пару минут он оттолкнулся от капота и тяжело опустился на водительское сиденье, двигаясь размашисто и сбито, завёл двигатель, чтобы хоть как-то согреться. Смотря на лобовое стекло, он видел, как вдали быстрым ходом двигался кортеж из скорой помощи и полиции, направляясь в сторону города. Их огни мигали яркими, пульсирующими точками в мрачной темноте, становясь всё меньше и меньше,

пока не превратились в едва заметные искры, которые вот-вот готовы были погаснуть.

Себастьян откинулся спиной на кожаное сиденье, чувствуя, как холодная обивка принимает его тело, и потянулся к ещё одной сигарете. Он закрыл глаза, сделал глубокий, дрожащий вдох, впуская в себя дым, и задержал его внутри, пытаясь унять бешеный ритм сердца, стучащий где-то в горле.

Когда машина прогрелась, он плавно вырулил на дорогу, и колёса мягко въехали в рыхлый снег. Выезжая на трассу, он на мгновение потерял фокус, фары встречной машины размазались в световые полосы. Машину повело к центру дороги, и встречные водители один за другим начинали сигналить, резко уходя к обочине. Себастьян моргнул, сильнее стиснув руль, и заставил себя смотреть прямо, но картинка перед глазами всё равно плыла, не желая собираться в единое целое. Пальцы на руле сжимались и разжимались, словно проверяли, контролирует ли он ещё свои конечности.

Его взгляд сфокусировался на неоновой вывеске придорожного мотеля, и он, выпрямившись, вдавил газ. Время было уже за полночь, и у здания мотеля теснились фуры с прицепами, а рядом с ними стояли старые пикапы с помятыми кузовами. Себастьян припарковался криво, поставив автомобиль поперёк разметки. Глаза его закрывались сами собой, словно он терял связь с собственным телом. Он заглушил двигатель, лишь с третьей попытки обхватив ключ

в замке зажигания, прежде чем тьма окончательно накрыла его, утягивая в беспокойный сон.

Резкий звук клаксона вырвал Себастьяна из кошмара, и он распахнул глаза, не сразу понимая, где находится. Перед лобовым стеклом нависала тёмно-бордовая фура, в кабине которой водитель что-то яростно показывал ему через стекло. За ночь в салоне автомобиля температура упала на столько, что каждый его выход сопровождался небольшим облачком пара. Себастьян вдавил ладони в глаза, прогоняя остатки дурмана, почувствовав, как линзы, которые он не был в состоянии снять, режут воспалённые глаза. Он размял затёкшую шею и медленно выпрямился, и только потом плавно вырулил в сторону свободного места через три парковочных места.

Себастьян провёл языком по пересохшему нёбу, ощущая во рту сухость и горький привкус вчерашнего дурмана. Отпустив козырёк, он взглянул в зеркало замер: кровь покрывала его лицо бурыми разводами, пятнала белый воротник рубашки, а руки до самых запястий были словно вымазаны тёмной краской. Память начала подбрасывать ему обрывки вчерашней ночи, и он медленно сжал пальцы, впиваясь взглядом в собственное отражение.

Через час он стоял на парковке у входа в больницу и не решался выйти. Что он может здесь делать? Что сказать? Какой смысл быть ему здесь сейчас? Но чувство вины, что жгло

грудь изнутри, всё же вытолкнуло его из машины. Он сгрёб снег со скамьи и пытаясь хотя бы таким способом оттереть с кожи кровь.

Подойдя к двери больницы, он отшатнулся назад, когда створки неожиданно распахнулись перед ним. Из здания выбежала Кая, и её мокрые волосы облепляли заплаканное лицо. Она бросилась в сторону парковки, не замечая Себастьяна, и ладонь закрывала ей рот, словно она сдерживала крик. Себастьян смотрел ей вслед, и в груди поднималось тяжёлое чувство, что Кристиан мёртв.

Двери клиники с шипением разошлись в стороны, и Себастьян шагнул внутрь, оставляя за собой мокрые следы на кафельном полу. За стойкой ресепшена сидела медсестра, заполняя документы, но стоило ей поднять глаза, как пальцы её замерли.

— Сэр, вам нужна помощь?

— В вашей клинике сейчас находится Кристиан Костелло. Мне нужна информация о его состоянии.

— Эта информация конфиденциальна, если вы не являетесь...

— Мне нужно знать, жив ли он, — процедил Себастьян сквозь зубы.

Женщина оглядела его кровавый воротник, а затем снова подняла глаза.

— Мистер Костелло жив и находится в состоянии комы. Это всё, что я могу вам сказать.

Себастьян кивнул и отступил от стойки. Его внешний вид пугал людей рядом, и они обходили его, прижимаясь к стене. Он медленно прошёл до ряда металлических стульев и сел, опустив голову ниже плеч и опершись локтями на колени.

Себастьян кивнул и отступил от стойки. Его внешний вид пугал людей рядом, и они обходили его, прижимаясь к стене. Он медленно прошёл до ряда металлических стульев и сел, опустив голову ниже плеч и опершись локтями на колени. Себастьян не имел понятия, что делать дальше. Он не планировал наносить Кристиану такие увечья. В его голове был лишь сценарий: припугнуть, заставить Кристиана чувствовать себя так же паршиво, как чувствовал себя сам. Он хотел сделать ему больно, но не физически, не так, чтобы оставлять следы на всю жизнь. Наркотики всегда срывали Себастьяну тормоза, превращая разум в хаос, и он это знал. Знал, чем это заканчивается, и всё равно принял дозу мескалина, не думая ни о чём, кроме собственной ярости.

По телу разливалась мелкая дрожь, которая начиналась где-то внутри, под рёбрами, и расходилась к кончикам пальцев. Кожу покалывало тысячей иголок, а в голове стоял противный звон, заполнивший собой всё пространство черепа. Давно он не испытывал этого состояния, организм успел отвыкнуть от чужеродного яда и теперь так бурно реагировал на него.

Оставалось только ждать, когда старший Костелло заявится в дом с обвинениями. Рано или поздно это случится, но

Себастьян думал об этом с ледяным безразличием, словно речь шла не о его жизни, а о чужой, не имеющей к нему отношения. Что действительно его волновало, так это состояние Кристиана. Покалечил своего лучшего друга? Эта мысль просачивалась сквозь трещины, холодным страхом сжимая грудь. Он ненавидел себя за ту секунду, когда его рука нанесла удар, за ту слепую ярость, что затмила разум. Ненавидел за то, что позволил тьме внутри себя взять верх.

Когда он узнал, что Кая и Кристиан были вместе, новость въелась под кожу и не желала отпустить. Возможно, всё началось ещё в его собственном доме, пока он не видел, они обменивались взглядами у него за спиной. Глупо отрицать: его бесило, что Кристиан выбрал молчание.

Себастьян помнил тот вечер, когда телевизионщики объявили о помолвке Лейлы и Кристиана, помнил, как Кая сорвалась с места, а Крис рванул за ней. Себастьян брёл следом, не понимая, что разворачивается у него на глазах. А затем видел, как Кристиан отчаянно колотил в её дверь, умоляя открыть и дать ему всё объяснить.

В тот момент до пьяного разума Себастьяна дошло: всё это время, пока в его жилах горел интерес к Кае, она уже была с Кристианом. И тот, судя по тому, что Себастьян наблюдал, ничего не сказал ей о своей помолвке. Развернувшаяся драма была ему безразлична, его напрягало другое: Кристиан молчал. Как давно они были вместе? Тогда в нём впервые закипела агрессия на друга.

Эта ситуация не отпускала Себастьяна несколько недель. Он сидел в доме один, прокручивая это снова и снова, пока с ним не связался Чарльз. Тот больше слушал, чем говорил, позволяя получать ответы на свои вопросы, а в конце разговора сам назвал адрес Каи. Себастьян воспользовался этой информацией, выкрал её, превратив в приманку, чтобы заманить Кристиана в ту бетонную коробку. Кая стала инструментом, зажатой между молотом и наковальней, и он тогда не задумывался, какой ценой это обернётся. План, рождённый в алкогольном дыму и пропитанный горечью, теперь стоял перед ним во всей своей моральной уродливости, оставляя после себя липкое чувство стыда.

Мотнув головой, Себастьян резко встал, отчего в голове сразу закружилось, и прошёл к кофейному аппарату. Последнее, что ему хотелось, это ехать сейчас домой. Отец вернулся из двухнедельной командировки, и видеть его не было никакого желания. Однако нужно было привести себя в порядок и, возможно, приехать в больницу ещё раз.

Душ помог смыть с тела грязь и пот, а взгляд из за отсутствия линз оставался размытым. Он провёл под горячей водой больше времени, чем обычно, и только спустя сорок минут, обернувшись плотным полотенцем, подошёл к зеркалу у раковины. Очки он носил редко, только дома, когда никого не было рядом. Отец с детства внушал, что очки выдают слабость, а у Гротти не может быть слабых черт, и именно

поэтому, на по-прежнему красные глаза он надел новую пару контактных линз.

Закрыв контейнер, он посмотрел на себя в зеркало, на него смотрел тот же Себастьян, что и всегда: тёмные волосы лежали аккуратными прядями, плечи были напряжены, а в глазах стоял холод. Он зажмурился, оттолкнулся от столешницы и сделал шаг назад, чувствуя, как комната вокруг него становится слишком душной.

Себастьян не ел со вчерашнего утра, а возможно, и дольше, потому что время и ощущение голода давно смешались где-то на задворках сознания, утратив всякую очерёдность, но не из-за этого он спешил на первый этаж. Войдя на кухню, он увидел Верону. Та, несмотря на свою полноту, плавно двигалась у плиты, помешивая что-то лопаткой в глубокой миске. От неё веяло спокойствием, и Себастьян на мгновение задержался в дверях, позволяя себе впитать это чувство.

Увидев его, в глазах Вероны мелькнула тревога. Лицо Себастьяна было в синяках, но это случалось и раньше, поэтому она лишь поджала губы, не решаясь спрашивать. Он попытался улыбнуться, и она ответила мягкой материнской улыбкой, в которой он почувствовал то самое тепло, которого никогда не получал от родителей.

— Доброе утро, — сказала она, поправляя передник. — Что ты хочешь на завтрак? Могу приготовить твои любимые рулетики. Будешь?

— Я никогда не откажусь от твоих блюд, — хрипло отве-

тил Себастьян, пытаясь смягчить голос ради нее. — Спасибо, Верона.

Он сел у кухонного острова, облокотившись локтями на столешницу, и наблюдал, как Верона методично готовит. Её руки двигались уверенно, без лишних движений, и в этом было что-то успокаивающее, почти гипнотическое, заставляющее его забыть на мгновение о том, что гнетёт изнутри.

Через пятнадцать минут на тарелке перед ним лежало одно из любимых блюд, щедро посыпанное зеленью. От него поднимался такой аппетитный аромат, что желудок сжался в предвкушении. Себастьян взял вилку, но на мгновение задержал руку, глядя на еду, будто не решаясь прикоснуться к чему-то настолько обычному и тёплому. Каждый кусок отдавался приятной тяжестью, которая хоть немного притупляла ноющую боль в голове, уводя её на второй план.

Себастьян сидел неподвижно в кресле гостиной, наблюдая, как в окно бьют крупные снежинки. Отец приехал домой ближе к вечеру и был слегка взвинчен, но это скорее обычное его состояние, в котором он срывался на сына по разным мелочам, например, за то, что тот слоняется без дела по дому. Себастьян хотел уйти из дома, уехать сейчас как можно дальше, но многое в его жизни не позволяло совершить такой поступок. Да и не было смысла убегать от самого себя.

Телефон резко завибрировал на столешнице, вырывая его из липкой трясины мыслей. Себастьян поднёс трубку к уху,

не успев понять, хочет ли слышать ее сейчас.

— Себастьян, привет, я сейчас у Роберта, ты не занят? Может приедешь? Я соскучилась, — голос Женьевьевы звучал мягко, но в нём чувствовалась нервная торопливость, будто она боялась, что он сейчас сбросит вызов.

И он согласился. Всё что угодно, лишь бы не оставаться в этом доме с отцом и не сидеть в своей спальне одному. Ему просто нужно было уйти, вдохнуть морозный воздух и оказаться среди людей, чтобы не слышать этот глухой, тошнотворный звук в собственной голове, который звучал по его вине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.